

## РАННИЕ ГОРОДА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ НАЗВАНИЙ\*

Будучи историком, начинавшим в свое время с диссертации по историческому языкознанию, я имею обыкновение в своих работах сочетать методы обеих наук, пытаюсь тем самым извлечь из лингвистических материалов (в первую очередь из личных имен и топонимов) данные, которые могли бы помочь историку в освещении эпох, скудно обеспеченных источниками. В данном случае я хотел бы на некоторых примерах продемонстрировать достоинства такого подхода, не умолчав и о специфических трудностях, с которыми приходится при этом сталкиваться.<sup>1</sup> Материалом служат названия нескольких городов, сыгравших важную роль в начальный период древнерусской истории.

Первым перевалочным пунктом дальнейшей торговли, возникшим в контактной зоне между Скандинавией и Восточной Европой, вероятно, еще во второй половине VIII в., стала Старая Ладога. Этническая ситуация на ранних этапах развития этого поселения неясна. Топонимика способна пролить на нее некоторый свет. Финский славист И. Миккола возводил название города и *\*Alode-jogi*, означавшему в одном из близких к финскому языков коренного населения Поволховья «низкая река». Эта этимология по праву нашла всеобщее признание: поселение действительно возникло близ устья реки Ладожки, которая еще в XVI в. носила имя Ладога, представляя собой самый «нижний» приток Волхова, непосредственно перед впадением последнего в Ладожское озеро. Едва ли население, перенесшее гидроним на город, могло быть корелой или принадлежать к какому-либо другому племени, в языковом отношении близкому к карелам, поскольку в их языке, как есть основания думать, местное название со значением «низкая река» было бы невозможно. Славяне также не могут приниматься в расчет, так как из формы, которая должна была возникнуть в славянском на основе *\*Alode-jogi*, никак нельзя вывести форму Ладога. И наоборот, предположив скандинавское посредство, легко избежать всех трудностей. В древнескандинавском, фонетический строй которого особенно быстро менялся в начале эпохи викингов, оба *o* в заимствовании *\*Alode-jogi* должны были элидироваться, дав в результате форму *Aldeigia*, засвидетельствованную в древнеисландском. Более того, до заимствования в славянский прошло, очевидно, еще некоторое

время, потому что славяне переняли не первоначальную древнешведскую форму (сохранившуюся в западно-скандинавских исландских говорах), а закономерно развившуюся из нее в древнешведском *\*Aldagia*, донесенную до нас ганзейским немецким *Aldagen*. Название города на Нижнем Волхове стало известно славянам, впрочем, не позднее времени Рюрика, поскольку др.-русск. Ладога, как и имя одного из Рюриковых братьев Труворъ, успело принять участие в метатезе плавных, которая уже не затронула имени Олега, преемника Рюрика (Олегъ др.-швед. *Helgi*). Вывод для историка: славяне познакомились с этим первоначально скандинавским поселением хотя и не с самого момента его возникновения, но не позднее примерно 870 г. Приведенный пример, как мне кажется, может служить образчиком того, насколько положительные и надежные результаты удастся получить, анализируя топоним, сохранившийся, к счастью, в двух параллельных языковых традициях — славянской и скандинавской. Примеры, которые я намерен рассмотреть ниже, требуют более смелых гипотез (именно поэтому они и выбраны мною), а это значит, что получаемые выводы не столь достоверны.

В двух сагах нам встречается местное название Алаборг (*Alaborg*). Один из источников помещает его близ обиталища великанов, т. е. на негостеприимной северной окраине обитаемого мира. В другом, более подробном, тексте повествуется, что один из викингских конунгов сначала захватывает Ладогу, а затем идет дальше на Алаборг, причем в одном месте сказано, что он двинулся на север, а в другом — на восток; следовательно, Алаборг находился к северо-востоку от Ладоги.<sup>2</sup> Эти данные ведут нас в окрестности Онежского озера, где пока не обнаруживается никаких следов ранних скандинавских поселений. Вместе с тем есть соображения, которые, как я думаю, позволяют предположить, что на это упоминание как самого поселения, так и его названия в одном-единственном источнике (даже не хроникальном!) не только можно положиться, но и даже экстраполировать его на более ранний период древнейшей Руси.<sup>3</sup> Дело в том, что древнешведское образование со вторым компонентом *-borg* (если за ним вообще скрывается историческая реальность) на древнерусской почве, вероятнее всего, могло возникнуть только в IX в., когда осевшие на территории будущей Руси шведы еще сохраняли при-

\* Перевод А. В. Назаренко.

несенный ими с собой из Скандинавии обычай именовать относительно крупные поселения термином **borg**. У нас есть целый ряд примеров (и Новгород-**Holmgardr** — только один из них), что в более позднее время древнерусские норманны вместо **borg** употребляли уже термин **gardr**. Первоначальное его значение было «двор», «усадебный двор», но в языке шведов, осевших на древнерусской земле (и только в нем), он приобрел второе значение «город», — разумеется, по созвучию с соответствующим древнерусским словом.

Однако в какой мере исторически приемлемо допущение, что уже в начальный период сложения системы варяжской торговли и власти в Восточной Европе ими было основано достаточно большое поселение близ Онежского озера? Я полагаю, что вполне приемлемо. Уже около 800 г. викинги обнаружили стремление и способность связать маршрутами своих плаваний все известные к тому времени моря. В Восточной Европе это стало возможным благодаря тому, что они использовали комплекс взаимопереплетенных речных путей. Северная Русь и возникла как следствие усилий викингов, направленных на установление связи с Волжским путем, доходность которого к тому времени возросла из-за курсировавшего по нему арабского серебра. Но предпринимались попытки установить и другие транзитные торговые маршруты: «из варяг в греки» по ту сторону Черного моря, а также, естественно (хотя это едва отразилось в письменных источниках), с Беломорьем, откуда поступал такой ценный товар, как пушнина и моржовый клык, возможно даже и бивни мамонта. В таком случае основанное скандинавами на Онежском озере поселение оказалось бы в одном ряду с прочими их опорными пунктами в Северной Руси, возникшими в IX—X вв., характерной чертой которых оказывается их расположение на берегу реки близ того места, где она либо вытекает из озера, либо впадает в него. Но если так, что мог обозначать **A'la-**, первый компонент интересующего нас композита **Alaborg**? На мой взгляд, во всяком случае не название реки, так как гидроним на **-a** в древнескандинавском той эпохи дал бы скорее всего в составе сложного названия генетивную форму на **-и** (в нашем источнике встречается однажды чтение **Aluborg**, но оно свидетельствует, очевидно, лишь о том, что географически не вполне осведомленный переписчик истолковал первую часть топонима как название реки). Вполне подошло бы название озера, потому что оно сохранило бы свое окончание **-a** при преобразовании

в др.-сканд. **\*Ala-sjo**; второй компонент **-sjo** «озеро», по правилам скандинавского словообразования, выпадал при добавлении **-borg** или какой-нибудь иной основы. Все было бы в порядке, если бы удалось показать, что **A'la-**, могло бы восходить к местному финноязычному названию Онежского озера. Однако ни финское **Aunus**, ни русское **Онега**, **Онежское озеро** едва ли возможно увязать с **A'la-**. Это, впрочем, не служит опровержением нашей гипотезы, поскольку названия озер, в отличие от названий крупных рек, отнюдь не принадлежат к наиболее консервативным составным частям топонимии; напротив, они в значительной мере изменчивы — больше, чем иногда это склонны признавать.

Что же следует из приведенных рассуждений? Толкование **A'laborg** как «город» на «Онежском озере», к сожалению, не удается обосновать в должной степени. Вместе в тем, предположение, что на Онежском озере, а именно, вероятнее всего, близ истока из него Свири, связующей Онегу с Ладогой, существовало крупное поселение, носившее скандинавское название и, следовательно, видимо, скандинавами и основанное — такое предположение кажется мне вполне заслуживающим внимания. Может быть, это способно заинтересовать и археологов. Провокационно заостряя формулировку, я позволил бы себе утверждать, что близ Онеги «затерялся» один из норманнских опорных пунктов, который еще ожидает своего новооткрывателя.

Еще больше смелости и вкуса к гипотезам потребуются от желающего доискаться до скандинавского названия города **Белоозеро**, того самого, который, согласно Повести временных лет, был резиденцией Рюрика брата Синеуса. Летопись прямо утверждает, что в пору славянского расселения район Белоозера был населен исключительно прибалтийско-финским племенем **весь (Vepsä)**. **Белоозеро**, единственная засвидетельствованная источниками форма имени, является, несомненно, результатом переименования, так как в пору появления здесь норманнов среди местного вепского населения вряд ли имелись уже сколько-нибудь значительные славянские вкрапления. Маловероятно, чтобы славянское название **Белоозеро** было связано семантически с тем или иным вепским топонимом, поскольку этот последний едва ли апеллировал бы к гидрониму «Белое озеро». На берегах озера, как бы слабо они ни были заселены, имелось, конечно, не одно-единственное, а целый ряд поселений, а это значит, что в соответствии с общими законами ономастики его (озера) название не годилось

В качестве основы для поименования того или иного из этих поселений в языке местных жителей. Иное дело — норманны, оставшиеся в результате нашего «отсеивания» наиболее вероятными авторами названия. Когда они планомерно закладывали очередное поселение, то было естественно давать ему название, которое могло служить как бы ориентиром на обширных пространствах: образование со значением «город на Белом озере» было бы весьма вероятным в языке шведских купцов и конквистадоров, проникших во внутренние области Восточной Европы. Впрочем, простое перенесение название озера на поселение, как это имеет место в случае с топонимом **Белоозеро**, в древнескандинавском невозможно: образования со вторым компонентом *-sjó* не годились для «сухопутных» названий. Однако **Белоозеро** могло быть, весьма вероятно, связано с древнешведским топонимом, имевшим в качестве первой части наименование озера, а второй — тот или иной формант со значением «поселение». (Если наши весьма гипотетические построения верны, то **Alaborg** мог бы служить в таком случае прямой ему аналогией).

В прибалтийско-финском «белый» звучит как **valka**. Этот корень входит первой частью в композит — вепское название Белого озера; мне известны два варианта последнего: **Vaktar'** и **Valgatjärv'**. Если бы норманны калькировали это название, то они получили бы, через *\*Hvit-sjo* как название озера, местное название *\*Hvit-borg*. Эта форма выглядит, однако, маловероятной, так как слушатель расшифровывал бы ее не как «город на Белом озере», а как «Белый город». Подобного недоразумения можно было бы избежать, если бы норманны прибегли не к кальке, а поименовали поселение **Valkaborg** или другим подобным названием, аналогичным **Alaborg**. Это предположение, разумеется, крайне шатко, хотя бывают случаи, когда сделать объявление о пропаже или о поисках утерянного отнюдь не мешает. Поэтому я рискую высказать догадку, что в районе побережья Белого озера и важной транспортной артерии, реки Шексна, некогда существовало основанное норманнами поселение с древнешведским названием, затем утраченным.

Переходим к четвертому из разбираемых нами примеров — топониму **Изборск**. Он особенно спорен и вызвал на конференции неожиданно весьма оживленную дискуссию. Как известно, **Изборск** был местопребыванием еще одного Рюрикова брата Трувора. **Изборск** можно возвести к скандинавскому названию, так же как мы это предположили

относительно **Alaborg** и, со всей осторожностью, относительно **Белоозеро** — названию, которое в качестве первого компонента содержало местный прибалтийско-финский гидроним, а в качестве второго — опять-таки формант *-borg*: *\*Is(s)u-borg* > *\*Исьбъргъ* (городь).<sup>4</sup> Генетив *\*Is(s)u-*, в отличие от *-a* в **Ala-**, указывает не на озеро, а на реку под названием **Is(s)a**. Этот гидроним сохранился как название одного из притоков верхнего течения Великой. И в других местах известны случаи, когда более раннее название реки сохранялось как раз в верховьях, тогда как в остальном получало преобладание другое имя. **Великая** — название явно славянское и не может быть исконным; несомненно оно вытеснило какой-то иноязычный, скорее всего прибалтийско-финский гидроним. Так как **Великая**, в отличие, пожалуй, от всех прочих названий крупных рек России, по форме просто воспроизводит одно из славянских слов, причем весьма распространенное, то это наводит на мысль о кальке. В финском же *iso* значит «большой». Гидронимы-кальки вовсе нередки в древнерусском. Так, по поводу реки, носившей, очевидно, тюркоязычное название **Airili** «кривая», в летописи сказано: **Ерель его же русь зовут Угол**.<sup>5</sup>

Однако много ли смысла в столь сложной гипотезе, даже если она всего лишь теоретически «проигрывается»? — во время обсуждения на конференции об этом весьма темпераментно говорил В. В. Седов. Разве нет более очевидного и много более простого решения вопроса? Топоним **Изборск** встречается и в других восточно-славянских землях<sup>6</sup> и без труда поддается толкованию на почве славянского, имея несколько конкурирующих этимологий<sup>7</sup>. В IX в. в районе **Изборска** (наряду с более древним местным прибалтийско-финским населением) уже обитали пришельцы-славяне. Но в таком случае разве не противоречит идея о норманнском прототипе имени **Изборск** элементарной логике и принципу научной экономичности?

Эти возражения оправданы, но не могут служить опровержением. Для сравнения один пример. Если бы из имен первого поколения древнерусской княжеской династии нам было известно только **Синеус**, то в нем без тени сомнения все видели бы чисто славянское имя — прозвище человека, который со своими синими усами выступал бы своего рода восточнославянским аналогом французского рыцаря по имени Синяя Борода. Но так как мы знаем также имена его обоих братьев — **Рюрик** и **Трувор**, которые имеют явно скандинавское проис-

хождение, то и **Синеус** логично расшифровывать как **Siginiotr**, одно из распространенных скандинавских имен эпохи викингов<sup>8</sup>. **Изборск** относится к группе топонимов, состоящей из названий тех опорных пунктов, которые были захвачены или основаны норманнами при князьях Рюрикава поколения с целью обеспечить себе господство в Северной Руси. Заметим, что прочие названия, входившие в эту группу, до наших дней не сохранились. Однако путем рассуждений, по необходимости крайне гипотетических, мы пришли к заключению, что в двух случаях, относительно которых у нас есть хоть какие-то данные и которые, возможно, были единственными случаями, современными возникновению **Изборска**, речь, видимо, идет об образованиях, состоявших из компонента **-borg**, присоединенного к заимствованному названию того или иного крупного водоема Северной Руси. Допустим, что по отношению к двум другим важным пунктам в системе сообщений Северной Руси были столь же рано, как и для **Изборска**, и с такой же степенью надежности засвидетельствованы названия на **-borg**, — разве и тогда мысль о скандинавском происхождении термина **Изборск** казалась бы столь же нелепой и излишне сложной, как сейчас?

Впрочем, такого рода соображения могут иметь не более, чем теоретическое, методическое значение. Если я сам все еще не выбрасываю гипотезу о «городе на Иссе» на свалку, как я не раз уже собирался сделать, и предпочитаю сохранить ее как одну из возможностей (но не более того), то именно потому, что возражения против нее (**Изборск** вовсе не лежит на берегу Великой) дают повод для размышлений, заставляющих нас признать вопрос открытым. Все опорные пункты викингов, от первого поселения в Ладоге до заложения пра-Новгорода, располагались, как мы уже отметили, в тех местах, где та или иная важная в транспортном отношении река либо впадала в озеро, либо вытекала из него. Применительно к Ладожскому, Ильменскому и Белому озерам это можно утверждать с определенностью, применительно к Онежскому — с известной вероятностью. **Изборск** же хотя и расположен вблизи крупного озера, но на берегу реки, не имеющей никакого транспортного значения. Смолка, протекающая под его стенами, — это совсем небольшая речушка. Для того, чтобы добраться до настоящей транспортной артерии — Великой, надо было сначала выплыть в Чудское озеро или (как позволительно было бы предположить специалисту, незнакомому с местностью)

воспользоваться волоком, возможно, связывавшим верхнее течение Смолки с Великой. Выгодное оборонительное положение на мысу над рекой было одним из тех преимуществ, которые, насколько можно судить, до перенесения Новгорода в детинец еще не представляло интереса для викингов: первые норманские поселения, по принесенной из Скандинавии традиции, представляли собой неукрепленные центры торговли. Наконец, как указал мне еще на Скандинавской конференции в Архангельске в 1989 г. В. В. Седов, для IX в. нет никаких данных о присутствии в **Изборске** викингов. Тем самым **Изборск** по своим параметрам меньше всего подходит на роль одного из трех главных норманских опорных пунктов на севере Руси. Зато как нельзя лучше на нее подходит Псков, расположенный, подобно Ладоге, на берегу последнего значительного притока крупной, важной в транспортном отношении реки (Великой) неподалеку от ее впадения в большое озеро (Чудское)<sup>9</sup>.

Читатель легко может себе представить, что, дойдя до этого места в своих рассуждениях, я был весьма воодушевлен статьей археолога С. В. Белецкого, из которой узнал следующее. Город, возникший в VIII—IX вв. на высоком мысу при впадении Псковы в Великую, поначалу насчитывал лишь несколько сот жителей, представителей окрестного прибалтийско-финского населения. Во второй половине IX в. ситуация изменилась: быстрый приток профессиональных ремесленников, купцов и воинов, явившихся, судя по всему, издалека, привел к тому, что площадь городской застройки стремительно выросла в пять раз. Возникло этнически смешанное поселение, в котором обитали скандинавы, славяне и прибалтийские финны. Топографически город делился теперь на детинец, посад и некрополь. На основании этих данных С. В. Белецкий сделал вывод, что именно Псков, а не, скажем, так называемое Труворово городище близ современного **Изборска**, был местопребыванием Трувора и его дружины. Основательное разрушение Труворова городища, происходящее как раз на вторую половину IX в., было, по предположению С. В. Белецкого, акцией именно псковских норманнов, стремившихся упрочить свою власть в ближних и дальних окрестностях. С положением дел во Пскове С. В. Белецкий связывает и внезапный рост населения Труворова городища в XI в. В 1036 г. Ярослав Мудрый подверг во Пскове аресту и заточению своего брата Судислава Владимировича. Очевидно в это время Псков был подвергнут христианизации, в

ходе которой, по мысли С. В. Белецкого, часть псковичей оказалась высленной на Труворово городище. Отправным пунктом для этого предположения, как и в моих этимологических построениях, послужила идея, что **Изборск** может скрывать за собой финское название Великой.

Если события развивались так (или примерно так), как их реконструирует С. В. Белецкий, тогда все имеющиеся данные, и топонимические, и историко-географические, и археологические вполне вписывались бы в рамки одной и той же изящной гипотезы. Я, конечно, далек от мысли, что археологи, ничтоже сумняшеся, единодушно поддержат остроумные построения своего коллеги, которые, увы, не могут быть подкреплены данными письменных источников. Да и я в своих размышлениях не вправе оказаться в плену одной-единственной гипотезы, которая во всех своих деталях построена средствами совершенно не известной мне научной дисциплины. Итак, какой вывод я бы сделал, не выходя за рамки собственной специальности? Я охотно признаю, что славянская этимология названия **Изборск** пока имеет больше шансов на успех. Вместе с тем не следует упускать из виду, что эта ее предпочтительность, возможно, обусловлена всего лишь состоянием источников. Хорошо бы иметь в запасе и какое-нибудь иное решение, коль скоро имеются внетопонимические соображения, заставляющие усомниться в том, что начальный период в истории Пскова удастся истолковать, не прибегая к гипотезам. В такой области, как проблема происхождения Руси, где количество надежных данных крайне невелико, часто есть смысл иметь в виду сразу несколько возможностей, отдавая себе отчет в их относительной вероятности, а не отдавать тут же предпочтение какой-либо одной из них.

Если мы, таким образом, намерены сохранить гипотезу о «городе на Иссе» в качестве заслуживающей внимания альтернативы, то было бы нелишним показать, что предполагаемая нами существовавшая в течение какого-то времени конкуренция двух названий — автохтонного (**Пльсковъ**) и норманнского новообразования (**\*Is(s)uborg**) — не является чем-то совершенно исключительным и не имеющим аналогов. В качестве параллели можно привлечь засвидетельствованное лишь в одном древнеисландском источнике название **Syrnes**, значение которого «нос, т. е. выступающий мыс, на реке Свинья» поначалу не вызывает ничего, кроме недоумения. Между тем, Т. Н. Джаксон удалось дать топо-

ниму блестящую убедительную интерпретацию<sup>10</sup>. Это название, в котором, по уже встречавшемуся нам закону, выпала средняя основа (а именно, à «река»), имеет в виду, надо полагать, мыс на реке **Свинец**, в центральной части Гнездова, которое в IX—X вв. являло собой один из важнейших пунктов норманнской дальней торговли. Одновременно с **Syrnes** в языке скандинавов существовало, судя по всему, также и название, соответствующее русскому **Смоленск**, поскольку древнескандинавская форма этого топонима предполагает заимствование его в IX или, по крайней мере, в начале X в. В древнейшей редакции географического сочинения аббата Николая город упоминается под названием **Smaleskija**. Эта форма в точности соответствует др.-руск. **Смольскъ**, постепеннo вытесненному варианту **Смольньскъ** — процесс, который удается проследить по древнерусским источникам.<sup>11</sup> В первом слоге **Smaleskija** мы имеем **a**, которому во всех древнерусских упоминаниях соответствует **o**; это значит, что скандинавская форма отразила тот период восточно-славянского языкового развития, когда в данной позиции еще произносился **a**, а не **o**. Этот переход **a > o** в восточно-славянском произошел не позднее середины X в., как видно из др.-руск. **Ингорь** «Игорь» (Iγγor у Константина Багрянородного около 950 г.) и **Ikmor** (др.-руск. **\*Игморъ**) < др.-швед. **Ingmarr** (972 г.)<sup>12</sup>. Следовательно, название **Смоленск** было известно шведам уже тогда, когда Гнездово-**Syrnes** переживало еще пору расцвета. Было ли это последнее известно под двумя конкурировавшими названиями, или наряду с Гнездовым существовал еще пра-Смоленск, пока не поддающийся локализации, — это вопрос к специалистам-археологам, от ответа на который я предпочел бы воздержаться.

<sup>1</sup> В дальнейшем я уточняю и дополняю свою точку зрения, высказанную в работе: Schramm G. Normannische Stützpunkte in Nordwestrußland: Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen//Beiträge zur Namenforschung, N. F. Bd. 17, 1982. S. 273—290. Сведения древнескандинавских источников см. в полезной публикации: Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарий. М., 1987; Исторический фон см. в книге: Mühle E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, Bd. 32).

<sup>2</sup> Глазырина Г. В. Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна»: К истории русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 200—208.

<sup>3</sup> Г. В. Глазырина в указ. соч. предполагает, что автор саги контаминировал название **Олонец**

или его финский оригинал с **Alaborg** в Ютландии (соврем. Alaborg). Это, конечно, возможно, но такое предположение оправдано лишь после того, как карельская праформа уже реконструирована и показано, что скандинавский вариант не был фонетически закономерным продолжением финского.

<sup>4</sup> Древнескандинавское название Старой Ладогги **Aldeigiuborg** (в этой форме, характерной для всей древнескандинавской литературы, за единственным исключением) изначально не входило в эту группу. Скальдический вариант **Aldeigia** и ганзейско-нем. **Aldagen** свидетельствуют, что первоначальное скандинавское название было продолжением финского\* **Alodejogi** без добавления компонента **-borg**. Последний был добавлен с целью пояснить западноскандинавскому читателю и слушателю, не знакомому с Русью, что речь идет о городе. В тех случаях, когда скандинавское название не оканчивалось на **-borg**, когда оно, сверх того, в отличие от скандинавских названий с этим компонентом на территории Руси, восходило к наименованию того или иного небольшого водоема, известного только в его окрестностях, то из этого обстоятельства можно заключить, что речь идет не о специально основанном поселении, а о торговом центре, развивавшемся постепенно и как бы стихийно.

<sup>5</sup> О калькировании в топонимике см.: **Schramm G.** Nordpontische Ströme: Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973. S. 22. Русский перевод книги находится в работе.

<sup>6</sup> Следует подумать, не являются ли эти дублетные топонимы репликами одного широко известного названия, как то с большой вероятностью можно предполагать по отношению к названиям некоторых других городов, например, Киев или Смоленск.

<sup>7</sup> О славянском происхождении названия **Изборск** см. недавнюю работу: **Джаксон Т. Н., Рождественская Т. В.** Несколько замечаний о происхождении и семантике топонима «Изборск» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1987. С. 24—27.

<sup>8</sup> См. результаты, подтверждающие этимологии **В. Томсена:** **Schramm G.** Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie: Philologische

Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 28, 1980. S. 321—333.

<sup>9</sup> **Белецкий С. В.** Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: Истоки и становление (Материалы к научной конференции). Торопец, 1990. С. 8—14.

<sup>10</sup> **Джаксон Т. Н. Surnes и Gadar:** Загадки древнескандинавской топонимии Древней Руси // Scando-Slavica. T. 32. 1986. С. 73—83.

<sup>11</sup> **Jacobsson G.** A rare variant of the name of **Smolensk** in Old Russia // Scando-Slavica. 10. 1964. P. 148—159.

<sup>12</sup> **Т. Н. Джаксон.** (**Dzakson T. N.** *Palteskia ok bat riki allt, er bar liggr til* // Scando-Slavica. T. 37. 1991. S. 58—68), со ссылкой на лингвиста **В. В. Колесова**, полагает, что др.-сканд. **a** вполне могло передавать открытое др.-русс. **о**. Если так, то форма **Smaleskia** теряет значение исторического свидетельства. Однако положение дел в других контактных зонах между славянами и иноязычным окружением, где оно лучше обеспечено источниками (оно по большей части не учитывается русскими исследователями), говорит о том, что как греки, так и немцы, слышали в славянской речи сначала **a**, и лишь затем, начиная с определенного и поддающегося точному установлению момента — **о**. См.: **Schramm G.** Eroberer und Eingesessene: Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropa im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981. S.146 ff. (здесь и литература вопроса). Этот переход применительно к северо-западу Руси фиксируется в финское **paasta** (papasta и более позднем заимствовании того же слова **pokosta** «церковный округ, епархия»; финское **tavara** «товар», наряду с **toveri** «русским товарищ»; см.: **Kiparsky V.** Russische historische Grammatik. Bd. I. Heidelberg. 1963. S. 77; о датировке см.: *ibidem*. S. 153 — в восточнославянскомезде около 850 г.: лишь в отношении славянско-финской контактной зоны эта датировка выглядит на несколько десятилетий завышенной. Более позднее фонетическое состояние в славянском отразилось в др.-сканд. **Rostova** «Ростов», которое, должно быть, оказалось заимствованным позже, чем название соседнего Муром: **Móramar** (Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Древнерусские города... Гл. XX, I)